

УДК 32:008

**ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИФ:
МОДЕЛЬ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ И ПОДЧИНЕННЫХ**

© 2011 г.

М.М. Смирнов

Московский городской университет управления правительства Москвы

Mm-vol@ya.ru

Поступила в редакцию 12.10.2010

Исследуются проблемы субкультур элиты и неэлиты внутри одной политической культуры. Затрагиваются проблемы политической культуры, типологизации политических культур, а также феномен гражданской политической культуры.

Ключевые слова: элиты, системные теории, структурный функционализм, гражданская культура, субкультура, политическая культура, политические ориентации, Интернет.

Анализ в категориях системного структурно-функционализма типичных политических ориентаций членов какого-либо социума позволяет построить непротиворечивую классификацию политической культуры. Эта классификация (типологизация) является, с нашей точки зрения, основой методологического подхода к исследованию политической культуры современных наций. А политическая культура, в свою очередь, детерминирует политическое поведение, функционирование политических институтов, порядок и процедуру принятия политических решений и т.д.

Однако не составляет труда заметить, что классификация политических культур Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы [1] слишком схематична и на практике большинство наций дают примеры культур, не попадающих ни под один из основных («чистых») типов. И это вполне естественно в современном мультикультурном мире.

В этой связи уместно говорить о смешанных типах политических культур. Наиболее соответствующей современным политическим системам развитых стран является не культура участия, а смешанный тип политической культуры – «гражданская культура» (*civic culture*). Обобщая высказывания Г. Алмонда и С. Вербы можно утверждать, что гражданская культура – это политическая культура участия, в которой политическая культура и политическая структура находятся в согласии и соответствуют друг другу. В гражданской культуре политические ориентации участия сочетаются с патриархальными и подданическими политическими ориентациями, при этом не отрицают последние. Индивиды становятся участниками политического

процесса, но они не отказываются от своих подданических или патриархальных ориентаций. Более того, эти более ранние политические ориентации не только поддерживаются ориентациями участия, но также и соответствуют им. *Традиционные политические ориентации* имеют тенденцию упрощать обязательства индивида по отношению к политике и делать эти обязательства мягче. По нашему мнению, подданические и патриархальные ориентации «управляют» или удерживают ориентации участия. Такие установки благоприятны для ориентаций участия в политической системе и играют важную роль в гражданской культуре [1].

Поддержка таких более консервативных установок и их слияние с ориентациями участия ведет к сбалансированной политической культуре, в которой политическая активность, вовлеченность и рациональность существуют, но при этом уравниваются покорностью, соблюдением традиций и приверженностью общинным ценностям.

Практические исследования в области политической культуры поставили под сомнение адекватность рационально-активистской модели политического поведения (а ведь именно такая модель провозглашается пропагандой современных западных демократий), которую можно условно назвать «демократический миф». Действительно, граждане так называемых демократических стран редко живут в соответствии с этой моделью. Их нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко включенными в политику, ни особо активными. А процесс принятия политических решений является чем угодно, только не процессом рационального выбора и расчета. Ярким примером тому может

служить процесс принятия электорального решения (самого важного политического решения в жизни большинства членов демократического общества), что автор может подтвердить с полным основанием, как специалист по организации выборных кампаний.

Поскольку гражданская культура – это смешанная политическая культура, постольку в ее рамках многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль, характерную для подданической культуры. Но даже у тех, кто активно исполняет гражданскую роль, ориентации и роли, соответствующие подданической и патриархальной культурам, вытеснены не полностью. То есть, на практике ориентации и роли активного участника политического процесса дополняются патриархально-подданическими ориентациями и ролями. Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, равно как и свою несколько политически пассивную и лояльную роль подданного.

Итак, ориентации патриархальной и подданической культур не только сохраняются, но и составляют важную часть гражданской культуры. Во-первых, патриархальные и подданические ориентации меняют интенсивность политической включенности и активности индивида. Политическая деятельность представляет собой лишь часть интересов среднестатистического гражданина, причем, как правило, не самую важную их часть. Сохранение других ориентаций ограничивает степень его включенности в политическую деятельность и удерживает политику в надлежащих рамках. Более того, патриархальные и подданические ориентации не просто сосуществуют с ориентациями участника, они пронизывают и видоизменяют их. Так, например, первичные связи важны в становлении типов гражданского влияния. Во-вторых, взаимопроникающие структуры общественных и межличностных связей имеют тенденцию воздействовать и на характер политических ориентаций – делать их менее острыми и разделяющими. Будучи пронизаны первичными групповыми, а также общесоциальными и межличностными ориентациями, политические ориентации отнюдь не являются лишь производными от четко выраженных принципов и рационального расчета.

Если принять во внимание, что кроме политических вопросов для каждого индивида достаточно других житейских проблем, отнимающих его время, а также и труднодоступность информации, необходимой для принятия рациональных политических решений, то станет аб-

солютно очевидным, почему обычный человек не является идеальным, активным гражданином. В свете неполитических интересов индивида может оказаться, что для него совершенно нерационально вкладывать в политическую деятельность то время и те усилия, которые нужны, чтобы жить в соответствии с рационально-активистской моделью культуры участия [1].

Однако здесь возникает важнейший для политических исследований вопрос: как строятся взаимоотношения элиты и остального населения в рамках гражданской политической культуры. Отметив, что участие в политической жизни является потенциальной возможностью, которая, чаще всего, не актуализируется по причине отвлеченности индивидуумов личными проблемами, Алмонд и Верба справедливо указывают на необходимость некоторого баланса между властью элиты и ответственностью элиты перед остальными людьми (неэлитой). Создание и сохранение этого равновесия является одной из наиболее важных и сложных задач демократии. Действительно, если нет какой-то формы контроля за правительственными элитами со стороны неэлит, то политическую систему вряд ли можно назвать демократической. С другой стороны, неэлиты не способны сами управлять. Чтобы политическая система была эффективной, чтобы она была в состоянии разрабатывать и проводить какую-то политику, приспосабливаться к новой ситуации, отвечать на внутренние и внешние вопросы, должен быть механизм, с помощью которого правительственные чиновники наделялись бы полномочиями, позволяющими им принимать властные решения [1].

Как же должна строиться система управления, чтобы поддерживался необходимый баланс между властью и ответственностью? Один из вариантов ответа на этот вопрос можно отыскать в рамках теории электорального конфликта, которая достаточно удачно вписывается в методологию системного структурного функционализма. Электоральная система, сконструированная таким образом, чтобы наделять властью определенную элиту на ограниченный промежуток времени, может обеспечить баланс между властью и ответственностью: элиты получают власть, однако эта власть ограничена самой периодичностью выборов (заботой о будущих выборах в промежуток между ними) и целым набором других формальных и неформальных систем контроля. Чтобы система такого рода могла работать, необходимо существование не одной, а большего числа партий (или, по крайней мере, нескольких конкурирующих

элитарных групп, потенциально способных получить власть), – в противном случае спор между элитами потеряет всякий смысл; в то же время необходим какой-то механизм, позволяющий элитарной группе эффективно осуществлять власть. Это может быть наделение всей полнотой власти победившей на выборах партии в двухпартийной системе или образование группой партий работоспособной коалиции.

Далее, при изучении теории политической культуры, а также ее применимости в современных политических исследованиях неизбежно возникает вопрос о том, насколько политическая культура (или субкультура) элиты соответствует культуре неэлиты или всего общества. Заметим, что Алмонд и Верба отмечают несоответствие собственных выводов по этому поводу, сделанных на основе эмпирических исследований, с одной стороны, и теории системного структурного функционализма – с другой: они считали, что есть основания предположить, что политические элиты разделяют политическую культуру неэлит; что, в обществе, где существует гражданская культура, элиты, как и неэлиты, придерживаются соответствующих связанных с ней когнитивных, аффективных и оценочных ориентаций [1]. Это логическое построение обосновывается тем, что, в конечном счете элиты составляют часть той же самой политической системы и во многом прошли тот же самый процесс политической социализации, что и неэлиты. И анализ показывает, что политические и общественные лидеры, равно как и имеющие высокий статус граждане, более склонны принимать демократические нормы, чем те, чей статус ниже.

Развивая методологию системного структурного анализа, необходимо отметить, что, как нам представляется, взаимосвязь политических культур (или субкультур) элиты и неэлиты несколько более сложная. Поскольку, с нашей точки зрения, практика не только развивающихся, но и развитых стран показывает, что элита не обязательно *на самом деле* верит в «демократический миф» (то есть считает, что широкие массы активно и осмысленно участвуют в политике), постольку разделяемые элитой политические ценности весьма отличаются от ценностей, которым привержены широкие слои населения (неэлиты). А следовательно, и оценочные ориентации в отношении политической системы у элиты и неэлиты будут разными. При этом элита прекрасно осознает (именно в этом проявляется существенное различие в когнитивных ориентациях), какая часть потока политического контента относится к «демократическому

мифу» (а можно сказать шире – к пропаганде) и с какой целью этот контент распространяется. Элита также хорошо осознает и основополагающую роль электронных средств массовой информации (прежде всего телевидения, радио и Интернета) в трансляции, конструировании и воспроизводстве «демократического мифа».

Если в соответствии с методологией системного структурного функционализма мы продолжим далее исследование определяющих качество политической культуры ориентаций, то надо отметить, что и знания элиты о политической системе (когнитивные ориентации) существенно отличаются от знаний неэлиты. Если знания неэлиты базируются либо на усвоенном «демократическом мифе», либо на нигилистском отношении к политике как к темному лесу, в котором все равно не разобраться, то знания элиты базируются на *технократическом* отношении к политике как области своих профессиональных знаний, на понимании того, «как это работает». То есть неэлита так или иначе оказывается под воздействием пропагандистской составляющей политического контента, в то время как элита «фильтрует» и формирует контент в той степени, в которой осознает свои политические интересы. Электронные средства массовой информации (прежде всего Интернет) ускоряют процесс этой «фильтрации» и расслоения на элиту и неэлиту.

Аффективные ориентации элиты и неэлиты по отношению к политической системе также будут весьма разными. Неэлита обычно воспринимает политику более чувственно, чем рационально, эмоциями, а не разумом. Это вполне логично следует из недостатка знаний неэлиты о политике и является необходимым условием манипуляции общественным мнением со стороны элиты через СМИ. В основе чувственных восприятий политической системы элитой лежит *инструментальное* отношение к политике вообще (т.е. политика воспринимается этически нейтрально, не как «хорошая» или «антинародная», а как некий инструмент, который надо освоить и использовать для реализации собственных целей) и к политическому контенту в частности. А поскольку аффективные ориентации элиты базируются на инструментальном отношении к политике, то, с нашей точки зрения, роль аффективных ориентаций (по сравнению с когнитивными и оценочными) значительно меньше, а восприятие политических процессов элитой более рационально, чем чувственно.

Из всего вышесказанного следует, что, поскольку все три типа ориентаций (когнитивные, аффективные и оценочные) у элиты и неэлиты

одного и того же общества будут разными, то и их политические культуры будут разными. Надо отметить, что аналогичные выводы, следующие из методологии Алмонда, но несколько противоречащие приведенным ранее его и Вербы выводам, содержатся и в работах других американских исследователей – Л. Пая [2] и У. Розенбаума [3]. Эти ученые считают возможным говорить о разных политических субкультурах в рамках одной культуры. Такая терминология нам представляется правомерной, поскольку, действительно, в политической культуре как элиты, так и неэлиты одного общества присутствуют общие моменты, а с другой стороны, нельзя не отметить и существенные различия.

В этой связи возникает один интересный вопрос, который остался за рамками научных проектов Алмонда и других исследователей политической культуры: а можно ли говорить об общей политической культуре элит разных обществ (разных стран). Ведь если (как мы отметили ранее) политическая субкультура элиты более рациональна, базируется на технократическом и инструментальном отношении к политической системе, то в ней оказывается значительно меньше элементов традиционности и эмоциональности (всего того, что придает качественную окраску национальной политической культуре), чем в субкультуре неэлиты. И политический контент, который интериоризует и использует элита, будет отличаться от контента, который воспринимают и которым руководствуются массы. Нам представляется, что не будет преувеличением сказать, что в ряде случаев субкультура элиты оказывается значительно ближе к некоторой интернациональной политической культуре элит, чем к политической культуре своей страны (нации). Действительно, развитие средств коммуникации в последнее время и их доступность для политических элит всех стран, а также необходимость постоянного взаимодействия элит в рамках дипломатических, политических, культурных и экономических международных контактов не может не способствовать формированию *интернациональной политической культуры элит*, так же как и некоего интернационального элитного политического контента. Развитие Интернета в последние десять лет радикально ускорило этот процесс. Поскольку теперь общаться с партнером на другом континенте легче, чем с соседом на другом этаже, исчезли естественные географические ограничения, препятствующие формированию некоего культурно-ценностного континуума элит разных стран. Этот процесс

начался несколько ранее в сфере экономики, но сейчас с помощью Интернета он идет семимильными шагами и в сфере политики.

Однако, с другой стороны, если субкультура элиты настолько отрывается от общей культуры данного социума, что неэлита это замечает, то легитимность правления данной элиты значительно ослабевает.

Исследование позиций элит наводит на мысль о существовании еще одного механизма, позволяющего укреплять ответственность управляющих элит в условиях, когда активность и включенность в политику обычного гражданина остается низкой. Влияние гражданина не всегда и даже не в большинстве случаев является именно тем стимулом, за которым следует ответ (гражданин или группа граждан выдвигают требование – правительственная элита предпринимает действия, чтобы удовлетворить его). Здесь скорее действует хорошо известный закон «ожидаемых реакций», эффективность которого в условиях Интернета радикально возросла. Значительная часть гражданского влияния на правительственные элиты осуществляется без активных действий и даже без осознанного стремления граждан. Элиты могут предвидеть возможные требования и действия населения и, соответственно, принимать ответные меры. Эти возможные требования отслеживаются по изменению политического контента (ведь в нем они зарождаются и воплощаются) через мониторинг и контент-анализ интернет-пространства. Элиты действуют ответственно не потому, что граждане активно выдвигают свои требования, а для того, чтобы удержать их от активности.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в рамках гражданской культуры индивид не обязательно бывает рациональным, активным гражданином. Тип его активности – более смешанный и смягченный. Это позволяет индивиду совмещать определенную долю компетентности, включенности и активности с пассивностью и невключенностью в политические процессы. Его взаимоотношения с правительством не являются чисто рациональными, поскольку они включают в себя приверженность – как населения, так и принимающих решения – тому, что мы назвали демократическим мифом о компетентности гражданина. Методология системного структурного функционализма позволяет проводить исследования в этой области с использованием современных технологий. Более того, объединение методологий структурно-функционального анализа, современных системных теорий, а также новейших методик

системных социально-политических исследований (рейтинги, контент-анализ, ивент-анализ и др.) позволяет нам говорить о *новой методологии структурно-функционального моделирования* политических систем, адекватной условиям цифровых технологий и информационного общества. Эта методология объединяет традиционные и новейшие подходы к политическим исследованиям. Тогда, например, электронные СМИ и Интернет выступают способом трансляции, конструирования и воспроизводства вышеупомянутого демократического мифа, они же позволяют элите отслеживать обратную реакцию различных слоев неэлиты. А существование и воспроизводство демократического мифа в цифровую эпоху посредством тиражирования ценностно-окрашенного контента влечет за собой важные последствия. Во-первых, это не чистый

миф: вера в потенциальную влияние обычного человека имеет под собой известные основания и указывает на реальный поведенческий потенциал (реализация которого может ускориться в условиях цифровых технологий). Во-вторых, существование демократического мифа (воспроизводимого и поддерживаемого средствами массовой информации) способствует сохранению стабильности политической системы и позволяет ей функционировать.

Список литературы

1. Almond G. and Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and democracy in five nations. Little, Brown Co, Boston-Toronto, 1965.
2. Pye L. Political Culture // in International Encyclopedia of Political Science. Vol. 12.
3. Rosenbaum W. Political Culture. New York. 1975.

DEMOCRATIC MYTH: A MODEL OF COEXISTENCE BETWEEN RULERS AND SUBORDINATES

M.M. Smirnov

The paper investigates the problems of elite and non-elite subcultures inside one political culture. The issues of political culture, types of political culture, and the civic culture phenomenon are discussed.

Keywords: elite, system theory, structural functionalism, civic culture, subculture, political culture, political orientation, the Internet.